

Державину. Жизнь омская

Фуга

Я жил на Омке, – не на Званке, –
Когда из тьмы веков ко мне
Явилась Муза – голодранка
И замаячила в окне.
Она зашла ко мне погреться,
Залезла в душу и в карман,
И объяснила суть прогресса,
И водки налила в стакан.

Вы, Машка, Хлоя и Фелица,
Меня не смейте ревновать!
Для шуток с этою девицей
Нужна тетрадь, а не кровать.
Я с вами цацкаться не стану,
Ведь на земле известно всем:
Пиитам русским по Корану
Иметь дозволено гарем.
Мне всё дозволено и свято,
Святое место часто смято.
Жись без греха – что без стиха:
Мелка, соплива и тиха.
Так наплюём на наше горе
И запируем на просторе!

Глагол времён... Всё это басни.
Есть вещи слаще и прекрасней:
Вот на столе лежит арбуз
И выставил зелёный ус.
Вот разлеглась, ещё невинна,
Изнеженная осетрина.
Блины с икрой, как генералы,
Лежат горою после бала,
И разлитой по кружкам квас,
Являя нрав, шипит на нас...

Согласно истине столетней,
Литература – дочка сплетни.
И я с утра до самой ночи
В окно на двор уставлю очи,
Чтоб подсмотреть там стайку тем
Для од, элегий и поэм.

Какой народец населяет
Те животрепетны края,
Где в Иппокрену претекает
Моя иртышская струя!
Какие здесь мосты, дороги,
Какие старые чертоги,
И каждому здесь старику
Власть оставляет по пеньку.
Какая пыль! Какие были!
Какие дивы нас любили!
Какие стервы нас бросали!
Какие звёзды нам сияли!
В каких болотах мы тонули –
И вот теперь сидим вот здесь,
На Омке, в крепости, в июле,
И будоражим лестью спесь.
А Муза, девка крепостная,
Роман нам крутит, превирая
Сухую правду в сладку ложь,
И хренушки её поймёшь.

Российских од архиерей,
Приди ко мне и помудрей.
Тебе я расскажу о мире,
Бряцая на журнальной лире.
Журнал твой разум озадачит:
Какая в мире канитель!
А что там Вашингтон чудачит?
Пошто артачится Брюссель?
Варшава лезет вон из кожи,
Чтоб сажей нам замазать рожи,
И где-то бродит гад Игил –
Ошеломительный дебил.

А что у нас? Покой, затишье,
Песок да тополиный пух.
Ворует вор. Писатель – пишет.
Реклама – тешит взор и слух.
Гад – гадит. Машет пикой витязь.
На всяк вопрос – один ответ:
Вы молодцы. Вы здесь держитесь.
Страна в порядке. Денег нет.

Восстань, воззри, пиит свободный,
На синь народныя волны!
Пойми язык простонародный,
Доверь ему бессмертны сны!
Постигни правду нашей веры,
Пойми всю суть заподлицо,
В лицо Истории-мегеры
Влепи российское словцо!

Я всё ж чего-нибудь да стою,
Недаром пел, недаром жил.
И да залягу я рудую
Меж каменных Господних жил!
Окаменеет близь и дальность,
Разбьётся звёздная хрустальность
В тот страшный час, последний час,
Что уравниет с прахом нас,
Но и в кремнёвой вспышке света,
Что в судный день издаст планета,
Мелькнёт часть моего огня –
И Бог вспомнит про меня...

Прости меня, мой собеседник:
Чудачеств пушкинских наследник,
Я разбираться не привык
В том, что вещает мой язык...
Слова резвятся, как амуры,
Пред ликом девственной природы,
Трезвы, ясны, вполне в уме,
А я уже ни бе, ни ме.
Но, и не смысла ни бельмеса,
Я всех зову на путь прогресса,
И пусть трепещет тот прогресс,
Что нас не вздёрнет до небес!
Держава российская богата,
Трепещет в небе грозный флаг,
И всё не так у нас, ребята,
И слава Богу, что не так!

Ухо Ван Гога

Соната

Наш мир стоит на Боге и тревоге.
Наш мир стоит на жертве и жратве...
У жертвы, выбранной жрецами в боги,
Перевернулся космос в голове.

Его холстов бессмертные ошибки –
Зрачка безукоризненный каприз:
Плывёт над садом облако улыбки,
И в облаке струится кипарис.

Пылает ухо в пурпурном закате,
Кровь виноградников пьянее книг,
И пузырится звёздами хвостато
Ночного неба чёрный черновик.

Сухой голландец, тощий и небритый,
Сам для себя – дурдом, дурман и страх,
Взирает на подсолнечье с палитрой,
Сжимая трубку старую в зубах.

Он слышит сердцем звуки небосмеха,
Он ловит кистью Божий смехолуч,
И ухо отзывается, как эхо,
В ушах листвы и в раковинах туч.

Он совершит святое разгильдяйство –
Мазком к холсту пришпилит высоту.
Джокондовское снится улыбайство
Подсолнухам, врисованным в мечту!

Звенит над храмом небо колокольно,
Чтоб нам зрочки от скуки протереть,
Но всё же вечно смотрим мы – невольно –
Туда, куда так больно нам смотреть!

Прозрачная идёт по склону лошадь,
И жалуется ей сквозь холст Ван Гог,
Что башмаки его устали слушать
Рассказы неоконченных дорог...

Творец в сверкальне сна полузеркален.
С холста струится солнечная кровь.
Мозг гения прозрачно гениален,
И сквозь мозги сквозит сквозняк богов!

2

Вот он идёт – не человек – дурман,
Дурман небес, чудачества лекало.
Он пьян, давно упал бы он в бурьян,
Когда б за крылья небо не держало.

Он пьян, но не от нашего вина,
А от другого – горше и суровой.
Кровь виноградников всегда красна,
Как солнце, конопатое от крови.

Он пил всю ночь глухой абсент легенд.
Полынный вкус небес во рту дымится.
Абсент легенд – священный элемент,
Он миражам даёт черты и лица!

А рано утром, только он проспится,
Увидит Бог, живой в его зрачке,
Как солнце сквозь подсолнухи струится,
Бушует, пляшет в каждом лепестке!

Пусть барабанит в жилах кровь-тревога,
Пусть грают птицы, небо вороша, –
Подсолнечье – вот небеса Ван Гога!
Подсолнухи звенят в его ушах!

Художество не худо. Всё – оттуда,
Где метеор – взамен карандашей.
Да, вот такая амплитуда чуда –
От неба до отрезанных ушей!

Колумб вернулся

Монолог пьяного адмирала

На небе светит тупоглазый месяц.
Я на него готов завывать, как пёс.
На всю вселенную усы развесив,
Меня в таверне слушает матрос.
Ночь холодна, как будто королева.
Европа спит, грязна, как мой камзол.
И тошно представлять, твою налево,
Что я – источник золота и зол...

Когда стремился я в поход индейский,
Я не стыдился лести и вранья –
Руководила мной, по-компанейски,
Космическая алчность бытия.
*«Нажива на живых рабах – гуманна,
Рабам спасает души – невзначай.
А золото – ведёт за океаны,
Питает разум, покупает рай».*
Сто раз я кланялся убийцам и прохвостам,
Сто раз просил займы у дураков,
Сквозь океан тащил пропойц на чёртов остров,
Открыл дорогу в рай... и был таков.

Открыл? Проваливай! Тебя не жальче,
Чем тех рабов, что ты привёз, дур-рак!
...Моя метафизическая алчность –
Дорога в Новый Свет и Новый Мрак.
Ругнуться бы озлобленно и грубо,
Да смысла в злобе нет... как и во всём.
Индеец-раб нахально пучит губы,
Не понимая, что мы тут несём...

Себя учу я, как язык индейский.
Ночь молчалива, словно ветчина.
Смерть смотрит вдаль с улыбкой фарисейской,
А жизнь – скучна, как верная жена.
Я быть пытаюсь сумрачным и гордым,
Я умножаю злобу и враньё...
А королева холодна, как орден,
Как званье адмиральское моё.

...Я лгал. Я грабил. Я сменил отчизну.
Я знал похмелье, но знавал и хмель...
Хуан! Тащи бутылку. В небо брызну

Струёй бургундского... Я, кстати, вызнал
Научное определение жизни –
Оно одно, простое: канитель.

Какая канитель, скажите просто, –
Мечтать о славе, золоте, добре,
Считать, что океан тебе по росту,
И оказаться смердом при дворе!
Они меня забудут, право слово,
Бог весть чьим именем прозвав страну,
Что я открыл... Но в этом нет худого.
Смешно другое, как я ни взгляну:

Сие забавно – стать в веках героем,
Рискуя жизнью, честью и душою,
Сквозь океан прокладывать следы
Для воровства, наживы и вражды.
Сквозь море рыскать, надрывая *опу,
Сто раз тонуть, в долги по грудь залезть,
Чтоб привезти в студёную Европу
Рабов, и золото, и модную болезнь;
В Мадриде плесть для грандов небылицы,
Просить деньжат, и жрать, и бабу мять...
Но стало тошно мне к чему-то зря стремиться
И что-то в этой жизни понимать.

Стреляй, скачи, живи... А что же дальше?
Как ни ломай башку, и не поймёшь.
Во всём, что мы творим, есть доля фальши,
И даже правда – это праведная ложь.
Мы лжём, что ищем новизны, открытий.
Для грандов всё равно, я жив иль мёртв:
Достаньте золото, а там – хоть не живите,
Хоть удавитесь... Бережливый мот,
Я промотал себя – за власть и деньги,
Которые сквозь пальцы утекут...
Да, все мы дураки, но все мы – дети,
Не знающие, что они – растут.
Мы подрастём. Мы, может, поумнеем.
Мы станем благодарней и скромней...
Мадрид мудрит, вино в нём – чуть хмельнее,
Чем в Генуе, и сумрак – чуть черней.
Европа пахнет лавром и лимоном.
И на черта я мчал за океан?
Добро везде слабо, а зло – бездонно,
Как океан... как этот вот стакан.
Я пью, я пью... и не напьюсь, дружище.
Мы, моряки, такие дураки!
Плывём куда-то, всё чего-то ищем,
Хотя не движутся материки...
И море нам бормочет матерки.

Мадрид мудрит, а гранды жаждут грантов.
Ночь молчалива, словно ветчина.
Откапыватель собственных талантов,
Я сам не знаю, в чём моя вина:
Я развратил открытием полмира,
Привёз вам попугая и банан,
Приполз в харчевню, сам себе не милый,
И пью, и злюсь, что до сих пор не пьян.
Европа спит, как мирная старушка...
А океан ворчит, как Бог, суров...
Хуан! Тащи бутылку. Где же кружка?
Куда нам плыть? Понятно всё без слов.